

Особенности трансформации роли мужчины в тувинском обществе

А. М. Монгуш*

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, г. Кызыл, Россия

Аннотация. Рассмотрены проблемы определения роли мужчин в современном тувинском обществе. Также сделана попытка изучения причин возникновения целого ряда проблем: сокращение численности мужчин, низкая продолжительность жизни, мужская смертность, низкие показатели мужского здоровья, алкоголизм, преступность, проблема трудоустройства, социально-психологические проблемы и др. Выявлена трансформация роли мужчины в тувинском обществе. Значительные изменения в тувинском обществе, начавшиеся в 30-х гг. XX в., когда в Туве была принята советская модель развития, и продолжившиеся после вступления в состав СССР, носили не только положительный характер, но и имели отрицательные моменты, в частности уничтожение традиционной культуры, оторванность от духовного образования, этических норм, выработанных тувинцами на протяжении веков, ослабление роли мужчины как главы семьи и в воспитании детей.

Ключевые слова: трансформация роли мужчины, тувинский мужчина, тувинское общество, мужские проблемы, гендерные исследования.

Для цитирования: Монгуш А. М. Особенности трансформации роли мужчины в тувинском обществе // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 36. С. 37–49. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.36.37>

Transformation Features of the Role of Men in Tuvan Society

A. M. Mongush*

Tuva Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research, Kyzyl, Russian Federation

Abstract: In modern humanities, including Tuvan studies, gender research is being widely developed. The problems of gender relations, the change of gender roles and statuses, and the feminization of society are only a small part of gender problems in modern Tuvan society. It is worth noting that gender research in Tuvan studies has an apparent bias towards the 'women's issue', the main theme of which was the 'emancipation' of the Tuvan woman in the 20th century. In the center of the gender research, not only in Russia, but also beyond its borders, there were mainly women. Less attention was paid to the 'male' topic, and it remained on the periphery of gender analysis for a long time. In this regard, the author of the article attempts to study the causes and features of the transformation of the role of men in Tuvan society. In the traditional Tuvan society, a man had the most important functions: social, political, and economic. Therefore, the man, being the central link, has always been a head of the family. The Tuvan man was both a breadwinner and a defender of the family. Men's work was considered more difficult and productive; mainly it was associated with cattle breeding, agriculture, and hunting. According to the traditional ideas of Tuvans, reflected in legends and folklore, a man, first of all, was associated with a warrior who defends justice and protects his native land, his family, clan and tribe from all kinds of troubles, enemy invasions. Significant changes in Tuvan society began in the 1930s century and continued after Tuva joined the USSR; the Soviet model of development was adopted in Tuva. The changes had caused not only positive, but also negative results, particularly, the destruction of traditional culture, detachment from spiritual education, ethical norms developed by Tuvans over the centuries. One of the consequences of these changes was the weakening of the role of men as the head of the family and his role in the upbringing of children. Several problems have arisen: a reduction in the number of men, low life expectancy, male mortality, low indicators of men's health, alcoholism, crime, unemployment, psychological and social problems, etc. Also, the article pays attention to the solutions of the identified problems adopted by the Tuvan society in the present time.

Keywords: transformation of the role of men, Tuvan man, Tuvan society, men's problems, gender studies.

For citation: Mongush A. M. Transformation Features of the Role of Men in Tuvan Society. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2021, Vol. 36, pp. 37–49. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.36.37> (in Russ.)

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
For complete information about the authors, see the last page of the article.

Введение

В современной гуманитарной науке, в том числе и в тувиноведении, гендерные исследования получают широкое развитие. Проблемы взаимоотношений полов, изменение ролевых статусов, феминизация общества – это только малая часть гендерных проблем в современном тувинском обществе. Одна из особенностей

гендерных исследований в тувиноведении – явный перекося в сторону «женского вопроса». Их основной темой стало «раскрепощение» тувинской женщины в XX в. В центре изучения гендерной проблематики, не только в российской науке, но и зарубежной, преимущественно находились женщины и женское. «Мужской» теме уделялось меньше внимания, и она долго оставалась на периферии гендерного анализа [Безрукова, 2011, с. 204]. С разных аспектов и методологических подходов сложный и многомерный «женский вопрос» рассматривали такие ученые, как Ю. Л. Аранчын [1977], Г. А. Забелина [2010], З. Ю. Доржу [2008], С. М. Биче-оол [2018] и др. В рамках изучения «женского вопроса» в некоторой степени изучалась и мужская культура.

Недостаточная разработанность «мужской проблематики» стала одной из причин появления и становления «мужских исследований» в отечественной гендерологии. Работы в данной области связаны с именами И. С. Кона, Е. А. Здравомысловой, Т. А. Гурко и др. [Кон, 2010; Здравомыслова, Темкина, 2002; Гурко, 1999]. Основатель российской андрологии И. С. Кон справедливо отметил: «И если в связи с ролевыми сдвигами женщин в современном обществе написано немало, то мужчинам, и тем более отцам и сыновьям, пока уделено гораздо меньше научного внимания» [2012, с. 48]. Также следует отметить работы В. О. Очирова [2013], темы которых касаются роли мужчины в традиционном бурятском обществе.

Важные сведения о хозяйственных занятиях, промыслах и роли мужчины в традиционном тувинском обществе встречаются в работах исследователей конца XIX – начала XX в., таких как: П. А. Чихачев [1974], В. В. Радлов [2007], Е. К. Яковлев [1900], Н. Ф. Катанов [2011], Г. Е. Грумм-Гржимайло [1926], Ф. Я. Кон [1936] и др.

Среди трудов, в которых в разной степени затрагивается мужская культура тувинцев, следует отметить исследования М. Б. Кенин-Лопсана, К. Б. Салчака, Б. О. Казырыкпай, О. Ч. Ондара, Х. Д-Н. Ооржака, Г. Д. Сундуй, А. К. Кужугет, С. Ч. Донгак, Е. В. Айбыжы, А. С. Шаалы, Ч. К. Ламажаа, В. К. Даржа и др. М. Б. Кенин-Лопсан подробно описал круг трудовых обязанностей мальчиков в соответствии с их возрастом согласно традициям, принятым в тувинском кочевом хозяйстве [2006]. В. К. Даржа детально описал хозяйственные занятия тувинских мужчин: технологии изготовления оружия, жилья, одежды и др. [2009]. Важным источником по изучению трансформационных процессов, произошедших в традиционной культуре тувинцев в XX в., является монография доктора культурологии А. К. Кужугет [2016]. В своей работе ученый указывает на то, что стремительная модернизация тувинского общества, осуществлявшаяся советской властью, привела к глубокому духовному кризису, так как при построении идеализированного «социалистического общества» и образа «советского гражданина» не учитывались психологические особенности народа [Кужугет, 2016]. Ч. К. Ламажаа в своих работах рассматривает социально-философские аспекты проблемы развития национального характера тувинцев. Ученый дает описание национального характера тувинцев с разных точек зрения, в исторической ретроспективе и в его современном понимании [Ламажаа, 2018].

Насильственная коллективизация и переход к оседлости (1949–1953 гг.) тяжело сказались на традиционном мышлении тувинского мужчины, так как его роль и функции претерпели значительные изменения. В 1990-е гг. после распада СССР кризис повлиял практически на все сферы жизни. Особенно тяжелый удар

был нанесен мужскому труду. В новых экономических условиях, когда многие мужчины потеряли работу и не могли обеспечивать свои семьи, именно женщины быстро адаптировались и проявили активность. Исходя из вышеизложенного и в свете современных мужских проблем, тема изменения роли мужчины в обществе представляется актуальной. В статье делается попытка рассмотреть трансформацию роли мужчины в тувинском обществе.

Роль мужчины в традиционном тувинском обществе

Изучение данной темы следует начать с объективного освещения роли мужчины в традиционном тувинском обществе. Как и в других кочевых обществах Центральной Азии, мужчина являлся главным звеном в общественной и семейной жизни. Его роль была главной потому, что самые важные функции были закреплены за ним. Например, только мужчина имел право участвовать в собраниях *чыыш*, где принимались и обсуждались вопросы, связанные с функционированием общества. Отцовский род считался главнее материнского, патрилинейная система родства строго соблюдалась, невеста со своим приданым *өнчү* переходила в род мужа. О том, что статус мужчины был выше, свидетельствовало и название стойбища *аала*, обычно носившее имя старшего мужчины. Благополучие и богатство кочевой семьи, которое измерялось количеством скота, в том числе и табуна, также зависели во многом от мужчины. Именно мужчина занимался самыми трудоемкими работами, связанными со скотоводством, земледелием и охотой. Так, о тувинских мужчинах хакасский ученый Н. Ф. Катанов писал следующее: «Мужчины у сойотов пасут скот, сеют хлеб, ходят на охоту, занимаются мастерствами...» [2011, с. 31]. С. И. Вайнштейн указывал, что на плечи мужчин ложились тяжелые сельскохозяйственные работы, например орошение и пахота, которые могли занимать семь-десять дней, хотя и отмечал, что в некоторых видах работ иногда участвовали и женщины [1972, с. 159]. Тяжелые природно-климатические условия, кочевая жизнь, выпас и защита скота непременно требовали мужского участия в хозяйстве. Это подтверждают и слова наших информантов. Например, информант Б. Б. Куулар, рассказывая историю о своих предках, вспоминает такой факт, как раздача скота прабабушкой. Оставшись неожиданно (после смерти мужа) одна, она не могла самостоятельно держать большое количество скота [ПМА]. Без того трудная жизнь кочевников сопровождалась многочисленными войнами, поэтому одной женщине без мужской помощи практически невозможно было выжить.

Одной из главных ролей мужчины, конечно же, была роль отца. Как глава семьи он должен был подготовить себе замену. В традиционном тувинском обществе детей приучали к труду в раннем возрасте. Детей до трех лет учили первому труду внутри юрты: ребенок узнавал, какие предметы принадлежат матери и отцу, названия вещей в юрте и можно ли ими играть или трогать [Кенин-Лопсан, 2006, с. 50]. Огромную роль при передаче трудовых навыков мальчику играл именно отец. Своим примером обучал его труду. Для мужчин воспитание детей не считалось зазорным занятием, напротив, мужчины много времени уделяли воспитанию молодого поколения [Кужугет, 2016, с. 160]. Помимо привития необходимых непосредственно в хозяйстве знаний и навыков, воспитание включало в себя сказки, различные игры, песни, в том числе колыбельные, исполняемые методом горлового пения. Подробное описание хозяйственной деятельности мальчиков в традиционном обществе, соответствующей возрасту ребенка, было сделано эт-

нографом М. Б. Кенин-Лопсаном. Пятилетний мальчик участвовал в хозяйстве следующим образом: носил снег для растапливания, следил за животными на пастбище, а также учился ловить арканом козлят и телят. В 7–8 лет мальчик мог отличить свой скот от чужого, присматривал за младшими, вместе с отцом выезжал из юрты по делам. В 9–10 лет он исполнял поручения родителей, пас овец, участвовал в скачках. В 11–13 лет юноша принимал полное участие в сенокосе, проведении посевной и уборке урожая, умел оседлать коня, надевать путы и треногу на ноги лошадей, привязывать их арканами. К 13 годам он хорошо знал названия и масти домашних животных, умел определять возраст скота, легко заколоть мелкий скот, разбирался в названии его костей и органов, мог найти пастбища для скота и места обитания зверей и т. д. Также трудолюбие воспитывалось посредством пословиц: *Чалгаа кижиниң өөндө чарган ыяш чок, чазый кижиниң өөндө аьш-чем чок* (У лентяя в доме дров не сыщешь, у скупого – еды не найдешь), *Ажылдан дескен түрегге дүжсер, билигден дескен чазыгга дүжсер* (Убегающий от работы в нужду попадет, убегающий от знаний ошибку совершит). [Кенин-Лопсан, 2006, с. 25]. Леня осуждалась и порицалась в традиционном тувинском обществе. Согласно представлениям тувинцев, юноша должен быть трудолюбивым и воспитанным, знающим этикет, понимающим, что можно, а что нельзя.

Передача знаний и традиций от отца к сыну происходила и в «мужском пространстве», т. е. за пределами юрты и стойбища. Считалось, что мужчине нельзя опускаться до домашней кропотливой и мелкой работы. Жизненный путь тувинского мужчины очень точно выразился в пословице: *Эр кижини хана баарынга төрүттүнер, хая баарынга өлүр* (Мужчина рождается у стены юрты, а умирает у скалы) [Казырыкпай, 2007, с. 16]. О том, что мужчина владел пространством вне юрты, свидетельствуют и примеры, которые встречаются в фольклоре тувинцев. Например, когда приезжал какой-нибудь гость и спрашивал у женщины, где ее муж, она отвечала, что не знает, где он находится, и даже не должна знать, куда он мог отправиться.

Задача отца – показать сыну окружающий мир, привить ему необходимые умения, соответствующее отношение к природе, в частности, во время охоты. Охота была мужским делом, так как обычаи запрещали женщине даже переступать через оружие [Вайнштейн, 1972, с. 185]. Передачу охотничьих умений записала этнограф Е. Д. Прокофьева: «...колхозник артели “5 лет Советской Тувы” прежде кочевал с отцом по определенному маршруту. На зимнике семьи около хозяйственных построек росло несколько деревьев. В зимнее время отец обучал сыновей стрельбе из лука, мишенью служили стволы этих деревьев» [2011, с. 164]. Дореволюционные исследователи оставили ценные сведения относительно охотничьего промысла тувинцев. Так, П. А. Чихачев писал, что тувинские охотники во время промысла добивались до русских поселений, где продавали часть своей добычи [1974, с. 194]. В. В. Радлов отмечал, что тувинские мужчины славятся как превосходные охотники и «...охота – излюбленное занятие сойонов» [2007, с. 266]. Г. Е. Грумм-Гржимайло в своих работах поделился такими наблюдениями: «Охота на зверя – главное занятие мужской части населения Тоджинского хошуна, и к этому промыслу они приучаются с юных лет» [1926, с. 49]. С. И. Вайнштейн писал следующее: «...мальчики во время игры-охоты применяли маленькие деревянные луки, которые обычно делали сами. Учились попадать в цель, преследовать “животное”, которое изображал один из играющих» [Вайнштейн, 1961,

с. 157]. Таким образом, передача охотничьих знаний и традиций от отца к сыну происходила с малолетства. Ставить силки и петли, стрелять из небольших луков в мелких зверей – первые шаги мальчика в охотничьем деле, далее – добыча находящихся неподалеку от *аала* тарбаганов, охота на лисиц и зайцев. Мальчики от 10 лет вместе со старшими мужчинами в семье – отцом, дядей или дедушкой – отправлялись на охоту в дальние места. Подросток лет 13 охотился наравне со взрослыми, становился полноценным членом охотничьей артели [Там же, с. 210].

Охота действительно играла очень важную роль в жизни тувинских мужчин. Именно во время охоты мальчики, находясь в мужском сообществе, закалялись и становились настоящими мужчинами, приобретая необходимые в дальнейшем навыки выживания в жестких условиях. Не случайно в систему подготовки мальчиков «Тос берге» («Девять трудностей») входили и охотничьи навыки. Кроме практических знаний, от старшего поколения молодому передавались и сакральные, к примеру вера в духа-хозяина (тув. *ээзи*) местности, горы, реки, тайги и т. д. Схожие представления имеют и другие народы Саяно-Алтая, близкие к тувинцам. Е. К. Яковлев приводил интересные сведения на этот счет: у тувинцев «...все земное пространство имеет особое покровительство духа земли и неба – *оран тэлэгэй*; звери в лесах, рыба в водах, домашний скот людей – все это богатство *оран тэлэгэя*» [1900, с. 66]. Считалось, что существует определенная норма на добычу зверя, превысить которую означало бы испытывать терпение духа местности. Бывало, что охотники пытались обмануть духа и сбить его с верного счета: убив оленя, козу, медведя, они быстро обдирали шкуру, прятали мясо, а место убийства прикрывали ветвями и камнями.

Таким образом, видим, что посредством запретов и предписаний закладывалось бережное отношение к окружающему миру, природе и диким животным, формировалась экологическая культура.

От старшего поколения молодому передавался и опыт тувинских кузнецов *дарганов*. Секретные знания кузнечного дела передавались строго по мужской линии. Ремесло считалось очень уважаемым, и, «когда кузнец за работой, а в юрту входит чиновник, мастер не должен отрываться от работы для его приветствия: “работа кузнеца старше”», отмечал Ф. Я. Кон [1936, с. 143]. Некоторые наши информанты с особой гордостью говорили о том, что их предки были кузнецами-дарганами, что свидетельствует о сохранении кузнечного культа в отдельных семьях и кланах.

Мужчина становился полностью дееспособным только после женитьбы. Свадьба являлась важным событием в жизни мужчины, отмечающим не только переход его в определенную возрастную категорию, но и изменение социального статуса в обществе. По мнению Г. Е. Грумм-Гржимайло, в традиционном тувинском обществе холостяк не считался полноценным зрелым мужчиной и не обладал высоким статусом. Например, после смерти мужа «...хозяйкой дома продолжает оставаться вдова, положение сирот-детей в правовом отношении, по-видимому, не меняется даже и по достижении ими совершеннолетия: мужчину при живой матери делает правомочным только его брак, а до тех пор он не считается дееспособным и слывет обыкновенно под презрительной кличкой “живущего в юрте матери”» [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 120]. Данный факт подтверждается и этнографическими материалами Л. П. Потапова. Аал именовался по имени старшего среди родственников мужчины, а после его смерти аал называли по имени его же-

ны, оставшейся вдовой. «Например, аал, в котором родился в 1899 г. колхозник Шойдан Семис, носил название Байартанлар-аалы по имени отца Шойдана – Байартана. Когда умер Байартан, этот аал стали называть по имени матери Шойдана – Семис-Кадай-аалы» [Потапов, 1966, с. 18–19].

Таким образом, в силу объективных обстоятельств тувинский мужчина всегда занимал главенствующее положение в обществе и семье. Именно он являлся центральным звеном, выполнявшим самые важные функции: общественные, политические, хозяйственно-экономические. Тувинский мужчина был основным кормильцем и защитником семьи, от которого зависело ее благополучие.

Изменение роли мужчины в советское время

Первые изменения в тувинском обществе начались во времена Тувинской Народной Республики (ТНР), а именно в 30-х гг. XX в. Эти изменения носили не только положительный характер, но и имели отрицательные моменты, в частности уничтожение традиционной культуры. Формировавшаяся тысячелетиями культура тувинцев была фактически запрещена, пережитками считались религия, верования, обряды и ритуалы, праздники, ношение традиционной одежды. По мнению А. К. Кужугет, одной из причин утраты связи между поколениями стало массовое строительство школ-интернатов, в которых дети жили и учились, что повлекло за собой оторванность от духовного образования, этических норм, выработанных тувинцами на протяжении веков [2016, с. 32]. Как отмечает М. Д. Доржу, следствием провозглашения равенства мужчин и женщин во всех сферах жизни в 30-е гг. XX в. в тувинском обществе стало ослабление роли мужчины как главы семьи и в воспитании детей [2016, с. 201]. Таким образом, уже в период Тувинской Народной Республики воспитание и образование стали задачей государства и были призваны отвечать идеологическим целям.

Серьезные изменения роли мужчины произошли после коллективизации и оседания населения в 1949–1953 гг. Насильственная коллективизация отрицательно сказалась на традиционном мышлении тувинского мужчины, так как с переходом к оседлости его роль и функции претерпели значительные изменения. При кочевом образе жизни мужчина являлся хозяином родовых пастбищных угодий и скота, которые столетиями защищались его предками, с переходом же на оседлость он вдруг в одночасье потерял все, что было оставлено ему. После коллективизации тувинский мужчина перестал быть основным кормильцем и защитником семьи, так как появились условия для самостоятельного проживания женщин и детей без мужчины. Государство фактически отобрало главные функции мужчин – обеспечение пропитанием и безопасности семьи. В таких условиях в мужском воспитании тоже произошли изменения. Если раньше мальчикам передавали знания о ценности родовой земли, скота и продолжения рода, то теперь главным стало получение образования, служба в армии и создание советской семьи, в общем, формирование идеального советского гражданина. Следствием быстрого и решительного отказа от традиционной культуры, навязанного советским правительством, стал глубокий кризис, погубивший духовные основы в тувинском обществе [Кужугет, 2016, с. 228].

Одной из главных социальных проблем, возникшей в результате трансформации жизни тувинцев, стала алкоголизация населения, особенно мужчин. Следует отметить, что в традиционном тувинском обществе проблемы алкоголизации

населения как таковой не было, так как были неписанные правила, ограничивавшие потребление алкогольных напитков. Например, для неженатых мужчин, не достигших 37 лет, существовал запрет пить *арагу* (молочную водку), считалось, что алкоголь пагубно влияет на репродуктивные функции мужчины. Также недопустимым было доходить до сильной степени опьянения, а потребление араги детьми категорически исключалось [Кенин-Лопсан, 2006, с. 15, 24]. Кочевой образ жизни тувинцев не предполагал свободного времени на распитие алкоголя. Производили и употребляли арагу только летом, в остальное время жизнь тувинского кочевника представляла собой борьбу за выживание в экстремальных природных условиях. Эти сведения подтверждаются и материалами Л. П. Потапова: «*Чайның ортаа айы* – средний летний месяц (июль). В начале этого месяца полностью заканчивался сев (даже у запоздавших). Начинали перекочевывать на летние пастбища, где и пасли скот. На этих пастбищах имелись летние загоны – *кажаа* для скота. Их чинили, если это требовалось. Этот месяц считался самым хорошим для людей. Тяжелой хозяйственной работы не было, скот давал наибольшие удои молока, много было араки, делали сыр и масло; ели и свежее мясо. Питание становилось лучше. В этом месяце часто ездили в гости, справляли свадьбы» [1966, с. 40].

Свою роль в алкоголизации населения сыграла и советская культура. Советская система пропагандировала в широкие массы теорию «культурного умеренного питания». Выросло целое поколение на советском кинематографе, где злоупотребляли демонстрацией в кадре пьяных и выпивающих героев. Появились и навязывались новые многочисленные советские праздники, где обязательным было употребление алкогольных напитков. Таким образом, многие социальные проблемы тувинского общества, в том числе и мужские, связаны с ломкой традиционного образа жизни и духовных ценностей, которая сопутствовала переходу от кочевого образа жизни к оседлому. «Рост преступности и смертности населения наблюдается с советских времен, рыночные преобразования лишь усугубили это положение» [Дабиев, Дабиева, 2015, с. 54].

Мужчины в современном тувинском обществе

В советское время тувинские мужчины работали водителями, комбайнерами, кочегарами, в горнодобывающей, лесной, деревообрабатывающей промышленности и т. д., женщины – учителями, воспитателями, врачами, продавцами, в сфере обслуживания. В 90-е гг. после распада СССР кризис коснулся практически всех сторон жизни общества. Особенно тяжелый удар был нанесен по мужскому труду. В статье французского антрополога Ш. Степановфа описана данная проблема. Приводя статистические факты, что удельный вес мужчин в занятом населении, достигший 53 % в 1991 г., снизился до 42,5 % в 2005 г., ученый говорит о том, что Тува является примером экономики, где женщины доминируют на рынке труда, ввиду сохранения тех профессий, которые считались женскими: торговля, администрация, преподавание. Уже в 1956 г. 68 % учителей и 91,9 % работников здравоохранения Тувинской автономной области были женщинами. Многие мужчины не преуспели в адаптации к новому экономическому контексту, в котором сфера услуг стала преобладающей [Степановф, 2009, с. 136]. К сожалению, современные статистические данные тоже не внушают оптимизма. Так, в 2019 г. уровень занятости женщин в Туве составил 48,8 %, уровень безработицы – 8,9 %, а уровень занятости мужчин – 46 %, уровень безработицы – 16 %. [Ко дню защитника ... ,

2020]. Получается, уровень безработицы среди мужчин почти в два раза выше, чем среди женщин.

Одной из главных проблем тувинского общества является высокий уровень преступности. Большинство преступлений совершаются мужчинами, часто – рецидивистами. Бывшие в местах лишения свободы мужчины создают или попадают в криминальные группировки с четко структурированной организацией и иерархией. Самих себя они называют *кара шериг*, что переводится с тувинского как «черное войско». Данная категория лиц действительно усиливает криминогенную ситуацию в Туве. Кроме того, они пополняют свои ряды, все чаще заманивая подростков, отправляя их на совершение преступлений. Деятельность рецидивистов приводит к увеличению подростковой преступности. Чтобы стать членом группировки, мальчики идут на совершение преступления, тем самым проходя определенную инициацию. В сборнике, составленном Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Республика Тыва отмечена как регион с наибольшим удельным весом несовершеннолетних, совершивших преступления (7,5 % от общего числа выявленных лиц) [Состояние преступности ... , 2020].

Для решения проблемы преступности Главой Республики Тыва Ш. В. Караоолом в 2019 г. был сформирован специальный исполнительный орган – министерство общественной безопасности, одним из направлений деятельности которого является работа с рецидивистами. Также следует отметить губернаторский проект «Чаа сорук» («Новая жизнь»), реализуемый с начала 2020 г. Его цель – помочь социализации тех, кто освобожден из мест заключения. Глава объявил о проекте в своем послании Верховному Хуралу «О положении дел в республике и внутренней политике на 2020 год». Согласно проекту, участник получает 200 голов скота, при этом скот принадлежит государству. Через два года он должен передать первый приплод в количестве 200 голов новым участникам проекта. Только после этого оставшийся скот переходит в его собственность. Участниками проекта являются отцы многодетных семей не старше 25 лет, отбывшие наказание за преступления средней и небольшой тяжести, при этом их отбор проводится общественными организациями – советами отцов и старейшин сел. В случае невыполнения участником условий проекта, его село потеряет право выдвигать в дальнейшем кандидатов [Бывшим осужденным ... , 2020].

Как отмечалось выше, острой проблемой тувинского общества является мужской алкоголизм. По данным Государственной антиалкогольной и антинаркотической программы Республики Тыва на 2021–2025 годы, уровень потребления алкоголя на душу населения республики составляет 9,7 л в год (в Российской Федерации – 13 л), что превышает допустимый уровень потребления алкогольной продукции на 1,7 л. Удельный вес преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, составил 29,5 %, что на 6,6 % больше уровня 2019 г. (22,9 %). Только в 2018 г. расследовано почти 2000 преступлений, совершенных под воздействием спиртного. В алкогольном опьянении совершено 54 убийства, 200 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, 19 изнасилований. За 2019 г. освидетельствовано на состояние алкогольного опьянения 2686 водителей – участников дорожно-транспортных происшествий. При этом 14,2 % водителей, совершивших ДТП со смертельным исходом, оказались в алкогольном опьянении. Число больных алкоголизмом и алкогольными психозами, зарегистрированных наркологической службой, составило 4831 чел., или 1567,8 в расчете на 100 тыс.

населения, из них женщин – 2149, мужчин – 2682. Показатель общей заболеваемости алкоголизмом, включая алкогольные психозы, по Республике Тыва (1567,8) на 11,8 % превышает показатель Российской Федерации (1402,0) и на 19,1 % – показатель по Сибирскому федеральному округу (1316,0) [Постановление Правительства РТ № 580, 2020].

По данным Управления ЗАГС Республики Тыва, за 2019 г. зарегистрировано 696 разводов (2018 г. – 694). Первое место среди причин разводов (27,3%) занимало злоупотребление алкоголем одного из супругов, чаще всего мужчин [Постановление Правительства РТ № 580, 2020].

Разрешение проблемы алкоголизации населения требует комплексного подхода. И тувинское общество, и государство понимают, что решение проблемы алкоголизации населения является первостепенным.

Серьезная антиалкогольная политика в Туве началась с мероприятий Первого форума отцов в 2011 г. и заседания Совета по поддержке гражданских инициатив в 2012 г. В Туве были приняты ограничительные меры по продаже алкогольной продукции. В результате борьбы с пьянством в 2016 г. Тува поднялась с 76-го на 35-е место в рейтинге трезвости регионов. Организация «Трезвая Россия», составляющая этот рейтинг, назвала Туву регионом, где проводится наиболее эффективная работа по борьбе с алкоголизмом: снизилось потребление алкоголя, его розничная продажа за последние годы сократилась на 76,4 %, уменьшилось число умерших от отравлений алкогольными суррогатами и количество больных алкоголизмом [Послание Главы РТ Верховному Хуралу..., 2020].

Острой проблемой тувинского общества стало мужское «иждивенчество». Возможно, одной из причин данного явления стало увеличение количества детей, выросших в неполной семье, не получивших примера полноценной модели семьи. В таких семьях, как правило, матери выполняют гендерную роль отца-кормильца. У детей с детства закладывается представление, что именно женщина обеспечивает семью. Это сказывается на будущем поведении не только мальчиков, но и девочек. Не видя модель полноценной семьи, девочка формирует образ матери-добытчика. Таким образом, впоследствии женщина выполняет функции кормильца и обеспечивает мужа-иждивенца. Такая модель семьи, в которой присутствуют изменения в гендерных ролях мужчины и женщины, порождает следующее поколение с установками о том, что женщина – главный добытчик в семье. Поэтому в современном тувинском обществе некоторые говорят, что лучше иметь дочку, чем сына. По-видимому, они считают, что сын может пойти на поводу жены и в дальнейшем не поддерживать своих пожилых родителей: *кадайынның аайы-биле чоруй баар* (будет в полном подчинении у жены).

Признаком духовного кризиса можно считать множественные случаи воровства и скотокрадства. Только в 2019 г., по данным Министерства внутренних дел Республики Тыва, в Туве было зарегистрировано 621 такое преступление (486 в 2018 г.). Суммарный ущерб превысил 22 млн руб. Не раз уже поднималась эта тема в тувинском обществе. В мае 2020 г. общественный резонанс вызвал случай воровства освященного в честь почитания хозяина горы Дус-Даг коня *ыдык аът*. Такое деяние считается у тувинцев кощунством: нельзя даже прикасаться к освященному коню, сидеть на нем, плохо к нему относиться. Известен случай кражи единственной коровы-кормилицы у малообеспеченной семьи, которая лишилась средства пропитания. Данные факты показывают, что в тувинском обществе раз-

мывается фундамент традиционных ценностей и ориентиров, определяющих границы нормативного поведения.

В связи с вышеизложенным, необходима выработка мер по решению данных проблем со стороны государства и общества. Следует понимать, что европоцентристское мышление привело к тому, что тувинцы теряют свои корни, забывают традиции и обычаи, происходит ассимиляция, подростки и дети не знают родной язык, увеличивается разрыв поколений.

В целях сохранения мужских традиций и воспитания мальчиков в 2012 г. на Втором республиканском форуме отцов был принят Кодекс чести мужчин Тувы. Составители Кодекса опирались на традиции и обычаи тувинцев. В 2014 г. по инициативе Главы республики Ш. В. Кара-оола был утвержден проект «Формирование управленческих кадров из числа педагогов-мужчин». Обращаясь к руководителям общеобразовательных учреждений, Глава Тувы подчеркнул: «Один из заместителей директоров школ должен назначаться из числа мужчин-учителей, а в сферу его ответственности необходимо включить патриотическое воспитание, работу с будущими защитниками Отечества. Школа без мужчины все равно что неполная семья. <...> Мужской пример для ребятешек ничем не заменишь» [Формирование управленческих кадров..., 2014]. Губернаторский проект «Эзирлерниң уязы» («Гнездо орлят») направлен на строительство спортивных залов в селах республики. Потенциал проекта можно использовать не только для развития физической культуры, но и в воспитательных целях. Мальчиков, посещающих спортзал, следует обучить не только национальным видам спорта, но и традиционному тувинскому мужскому мышлению. Данные проекты вносят большой вклад в повышение роли мужчины в тувинском обществе.

Заключение

Роль тувинского мужчины в семье и обществе пережила глубокую трансформацию в XX в. Многие социальные проблемы тувинского общества, в том числе и мужские, связаны с ломкой традиционного образа жизни и духовных ценностей, которая произошла в процессе перехода от кочевого образа жизни к оседлому. Если в традиционном обществе мужчина был главным действующим лицом, то уже в советское время, после коллективизации его роль претерпевает значительные изменения. Кроме того, в период перестроечных потрясений 90-х гг. мужчины, особенно в селе, потеряли, как и во всей России, возможность достойно обеспечивать свои семьи. Мужская безработица, разгул криминала привели к тяжелым «мужским» потерям.

Рассмотренные проблемы, существующие в современном тувинском обществе, характерны и для всего российского общества. Общими проблемами являются: сокращение численности мужчин, низкая продолжительность их жизни, мужская смертность (по большей части от внешних причин), низкие показатели мужского здоровья, алкоголизм, преступность, проблема трудоустройства, социально-психологические проблемы и др.

Тувинское общество и правительство понимают, что данные проблемы требуют комплексного подхода. Деятельность таких общественных организаций, как Совет отцов Республики Тыва, Совет мужчин Республики Тыва, Общественная палата Республики Тыва, «Чоннуң оолдары» («Сыны народа»), а также губернаторские проекты «Формирование управленческих кадров в общеобразовательных

организациях Республики Тыва из числа педагогов-мужчин», «Кыштаг для молодой семьи», «Чаа сорук» («Новая жизнь»), «Эзирлерниц уязы» («Гнездо орлят») направлены на решение обозначенных проблем и вносят большой вклад в улучшение жизни всего общества.

Только при комплексном анализе причин общественных проблем мы сможем понять, какие меры и подходы использовать для сохранения и возрождения традиций мужского воспитания и повышения роли мужчин в различных областях жизни, поэтому необходимы еще более глубокие исследования в данном направлении.

Благодарности

Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ «Трансформационные процессы в ономастике народов Центральной Азии: история и современность (на примере Тувы, Тофаларии, Калмыкии и Монголии)» (№ 19-012-00073/21)

Источники

ПМА – Полевые материалы автора. Опрос, проведенный в октябре 2017 г. в с. Дус-Даг, Овюрский ко- жуун Республики Тыва (информант – Б. Б. Куулар, 1954 г. р.).

Список литературы

- Аранчын Ю. Л. РСТК и ТНР // Великий Октябрь и проблемы новейшей истории Тувы / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл : Тувин. науч.-исслед. ин-т языка, лит. и истории, 1977. 147 с.
- Безрукова А. А. Гендерные исследования в России : проблемы становления и развития // Новые технологии. 2011. № 1. С. 203–206.
- Биче-оол С. М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период. Абакан : Журналист, 2018. 126 с.
- Бывшим осужденным в Туве пообещали 200 голов скота // Новости Сибири : [сайт]. URL: <https://sibnovosti.ru/society/379923-byvshim-osuzhdennym-v-tuve-poobeschali-200-golov-skota> (дата обращения : 13.12.2019).
- Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев : Проблемы кочевого хозяйства / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 1972. 314 с.
- Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы : Историко-этнографические очерки. М. : Вост. лит., 1961. 218 с.
- Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран / сост. Г. Е. Грум-Гржимайло. 1926. 412 с.
- Гурко Т. А. Феномен современного отцовства // Мужчина и женщина в современном мире : меняющиеся роли и образы / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1999. Т. 1. С. 217.
- Дабиев Д. Ф., Дабиева У. М. О скорректированном показателе Индекса развития человеческого потенциала с учетом социокультурных факторов (на примере Республики Тыва) // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 37. С. 50–64.
- Даржа В. К. Традиционные мужские занятия тувинцев. Кызыл : Тув. кн. изд-во, 2009. 592 с.
- Доржу З. Ю. Женщины Тувы : от прошлого к будущему. Кызыл, Изд-во Тув. гос. ун-та, 2008. 118 с.
- Доржу М. Д. Об усилении роли мужчины-отца в тувинской семье // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12(66), ч. 1. С. 201–203.
- Забелина Г. А. Женщины Тувы в семье и обществе в первой половине XX века. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН, 2010. 118 с.
- Здравомыслова Е., Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе: О мужественности : сб. ст. / сост. С. Ушакин. М. : 2002. С. 432–452.
- Казырыкпай Б. О., Казырыкпай Б. Б. Эр чол = Мужской путь. Кызыл : ТывНУЧ, 2007. 174 ар.
- Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл : Журналист, 2011. 384 с.
- Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев / пер. с тувин. А. А. Дугержаа, А. С. Дембирель. Кызыл : Тув. кн. изд-во, 2006. 230 с.
- Кон И. С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 99–114.
- Кон И. С. Гендер и маскулинность, сыновья и отцы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 1. С. 48–64
- Кон Ф. Я. За пятьдесят лет. Т. 3–4 / отв. ред. М. Чечановский. 2-е изд. М. : Сов. писатель, 1936. 356 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/view-er/01005139953#?page=1> (дата обращения: 20.07.2020).
- Кужугет А. К. Духовная культура тувинцев : структура и трансформация. 2-е изд., доп. Красноярск : Офсет, 2016. 320 с.
- Ламажаа Ч. К. Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. 240 с.
- Очиров В. О. Мужчина в традиционном бурятском обществе : XIX – начало XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2013. 22 с.
- О положении дел в республике и внутренней политике на 2020 год : послание Главы Республики Тыва Верховному Хуралу (парламенту) Республики Тыва. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/politics/41239/ (дата обращения: 12.12.2019).
- Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Государственная антиалкогольная и антинаркотическая программа Республики Тыва на

- 2021–2025 годы»: постановление Правительства РФ от 25 ноября 2020 г. № 580. URL: <https://docs.cntd.ru/document/571035310>
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1052 с.
- Потапов Л. П. Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хемчика // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л., 1966. Т. 2. С. 13–55.
- Ко дню защитника Отечества: портрет среднестатистического мужчины Республики Тыва: пресс-выпуск Красноярскстата от 19.02.2020. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/28192> (дата обращения: 20.02.2020).
- Прокофьева Е. Д. Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб.: Наука, 2011. 535 с.
- Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника (извлечение) // Урянхай. Тыва дептер : антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. – первая половина XX в.). В 7 т. Т. 2 / редкол.: К. Д. Аракчаа, К. С. Шойгу. М.: Слово, 2007. С. 221–281.
- Состояние преступности в России : сборник Генеральной прокуратуры РФ (за январь – июнь 2020 г.). URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/4fb/sbornik_6_2020.pdf
- Степанов Ш. М. Метафоры родства у тувинцев // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 130–144.
- Формирование управленческих кадров из числа педагогов-мужчин. URL: <http://uokaaxem.my1.ru>
- Чихачев П. А. Путешествие в Восточный Алтай. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 360 с.
- Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела Музея. Минусинск : тип. В. И. Корнакова, 1900. 357 с.

References

- Aranchyn Yu. L. RSTK i TNR [Russian self-governing labor colony and the Tuva People's Republic]. *Velikii Oktyabr i problemy noveishei istorii Tuvy [Great October and the problems of the modern history of Tuva]*. Kyzyl, Tuva Research Institute of Language, Literature and History, 1977, 147 p. (In Russ.)
- Bezrukova A. A. Gendernye issledovaniya v Rossii: problema stanovleniya i razvitiya [Gender studies in Russia: problems of formation and development]. *Novye tekhnologii [New technologies]*. 2011, Is. 1, pp. 203–206. (In Russ.)
- Biche-ool S. M. *Traditsionnye brachno-seimeinye otosheniya u tuvintsev i ikh transformatsiya v sovetskii period [Traditional matrimonial and family relations among the Tuvans and their transformation during the Soviet era]*. Abakan, Zhurnalst Publ., 2018, 125 p. (In Russ.)
- Byvshim osuzhdennym v Tuve poobeshchali 200 golov skota [Ex-convicts in Tuva were promised 200 heads of cattle]*. *Novosti Sibiri [Siberian News]*. Available at: <https://sibnovosti.ru/society/379923-byvshim-osuzhdennym-v-tuve-poobeshchali-200-golov-skota> (date of access: 13.12.2019) (In Russ.)
- Chikhachev P. A. *Puteshestvie v Vostochnyi Altai [Journey to the Eastern Altai]*. Moscow, Nauka Publ., GRVL Publ., 1974, 360 p. (In Russ.)
- Dabiev D. F., Dabieva U. M. O skorrektirovannom pokazate Indeksa razvitiya chelovecheskogo potentsiala s uchetom sotsiokulturnykh faktorov (na primere Respubliki Tyva) [On the adjusted indicator of the Human Development Index taking into account socio-cultural factors (on the example of the Republic of Tyva)]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika [Economic analysis: theory and practice]*. 2015, Is. 37, pp. 50–65. (In Russ.)
- Darzha V. K. *Traditsionnye muzhskie zanyatiya tuvintsev [Traditional male occupations of Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan Book Publ., 2009, 592 p. (In Russ.)
- Dorzhu M. D. Ob usilenii roli muzhchiny-ottsa v tuvinskoii semie [On the strengthening of the role of a man-father in the Tuvan family]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological science. Questions of theory and practice]*. 2016, Is. 12 (66), Part 1, pp. 201–203. (In Russ.)
- Dorzhu Z. Yu. *Zhenshchiny Tuvy: ot proshlogo k budushchemu [Women of Tuva: from the past to the future]*. Kyzyl, TuvSU Publ., 2008, 184 p. (In Russ.)
- Formirovanie upravlencheskikh kadrov iz chisla pedagogov-muzhchin [Development of managerial capacity among male teachers]*. Available at: <http://uokaaxem.my1.ru> (In Russ.)
- Grumm-Grzhimailo G. E. Zapadnaya Mongoliya i Uryankhaiskii kraj [Western Mongolia and the Uriankhai Region]. Leningrad, 1926, Vol. 3, Is. 1. *Antropologicheskii i etnograficheskii ocherk etikh stran [An anthropological and ethnographic sketch of these countries]*, 412 p. (In Russ.)
- Gurko T. A. Fenomen sovremennogo ottsovstva [The phenomenon of modern fatherhood]. *Muzhchina i zhenshchina v sovremennom mire: menyayushchiesya roli i obrazy [Man and woman in the modern world: changing roles and images]*. Moscow, 1999, Vol. 1, p. 217 (In Russ.)
- Katanov N. F. *Ocherki Uryankhaiskoi zemli. Dnevnik puteshestviya, ispolnennogo v 1889 godu po porucheniyu Imperatorskoi Akademii nauk i Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Essays on the land of Uriankhai. Diary of a journey performed in 1889 on behalf of the Imperial Academy of Sciences and the Imperial Russian Geographical Society]*. Kyzyl, Zhurnalst Publ., 2011, 384 p. (In Russ.)
- Kazyrykpai B. O., Kazyrykpai B. B. Er chol (= Muzhskoi put [The Man's Path]). Kyzyl, Tuvan Book Publ., 2007, 174 p. (In Tuvan)
- Kenin-Lopsan M. B. *Traditsionnaya kultura tuvintsev [Tuvan Traditional Culture]*. Kyzyl, Tuvan Book Publ., 2006, 230 p. (In Russ.)
- Kon F. Ya. *Za pyatdesyat let [Over the Fifty Years]*. Moscow, Sovetskii Pisatel Publ., 1936, Vol. 3–4, 356 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005139953#?page=1> (date of access: 20.07.2020). (In Russ.)
- Kon I. S. *Menyayushchiesya muzhchiny v izmenyayushchemsya mire [Changing men in a changing world]*. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]*. 2010, Is. 6, pp. 99–114. (In Russ.)
- Kon I. S. Gender i maskulinnost, synoviya i ottsy [Gender and masculinity, sons and fathers]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii [Journal of Sociology and So-*

- cial Anthropology*]. 2012, Vol. 15, Is. 1, pp. 48–64 (In Russ.)
- Kuzhuget A. K. *Dukhovnaya kultura tuvintsev: struktura i transformatsiya* [The immaterial culture of Tuvans. Structure and transformation]. Krasnoyarsk, Ofset Publ., 2016, 320 p. (In Russ.)
- Lamazhaa Ch. K. *Natsionalnyi kharakter tuvintsev* [National character of Tuvans]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018, 240 p. (In Russ.)
- Ochirov V. O. *Muzhchina v traditsionnom buryatskom obshchestve: XIX – nachalo XX veka: aftoref. dis. ... kand. ist. nauk* [A man in the traditional Buryat society: XIX – the beginning of the XX century. Cand. histor. sci. syn. diss.]. Ulan-Ude, 2013, 22 p. (In Russ.)
- Poslanie Glavy Respubliki Tyva Verkhovnomu Khuralu (parlamentu) Respubliki Tyva O polozenii del v respublike i vnutrennei politike na 2020 god* [The message of the Head of the Republic of Tyva to the Supreme Hural (Parliament) of the Republic of Tyva On the affairs in the republic and domestic policy for 2020]. Available at: http://gov.tuva.ru/press_center/news/politics/41239/ (date of access: 12.12.2019). (In Russ.)
- Postanovlenie Pravitelstva RT ot 25 noyabrya 2020 goda N 580* [Resolution of the Government of the Republic of Tyva of November 25, 2020 N 580]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/571035310>. (In Russ.)
- Potantin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii* [Essays on North-Western Mongolia]. St. Petersburg, V. Kirshbaum's Publ., 1883, Is. IV. Materialy etnograficheskii [Ethnographic materials], 1052 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. *Ocherki etnografii tuvintsev basseina levo-berezhniya Khemchika* [Essays on the ethnography of the Tuvans of the Khemchik left Bank basin]. *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition]. Moscow, Leningrad, 1966, Vol. 2, p. 13–55. (In Russ.)
- Press-vypusk Krasnoyarskstate "Ko dnyu zashchitnika Otechestva: portret srednestatisticheskogo muzhchiny Respubliki Tyva"* [Press release of the Krasnoyarsk State Statistics Service "To the Motherland Defender Day: a portrait of an average man of the Republic of Tyva"]. Available at: <https://krasstat.gks.ru/folder/28192> (date of access: 20.02.2020). (In Russ.)
- Prokofieva E. D. *Protsess natsionalnoi konsolidatsii tuvintsev* [The process of national consolidation of the tuvans]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, 535 p. (In Russ.)
- Radlov V. V. *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika (izvlecheniya)* [From Siberia. Diary pages (extracts)]. *Uryankhai. Tyva depter: antologiya nauchnoi i prosvetielskoi mysli o drevnei tuvinskoi zemle i ee nasel'nikh, ob Uryankhae-Tannu-Tuve, uryankhaiskikh-tuvintsakh, o drevnostyakh Tuvy (II tysyacheletie do n. e. – pervaya polovina XX v.)* [Uryankhai. Tyva depter: an anthology of scientific and educational thought about the ancient Tuva land and its inhabitants, about Uryankhai-Tannu-Tuva, Uryankhai-Tuvans, about the antiquities of Tuva (by the II millennium BC-the first half of the twentieth century)]. Moscow, Slovo Publ., 2007, Vol. 2, pp. 221–281. (In Russ.)
- Sbornik Generalnoi prokuratury RF "Sostoyanie prestupnosti v Rossii" (za yanvar – iyun 2020 g.)* [Collection of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation "The criminality in Russia" (for January – June 2020)]. Available at: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/4fb/sbornik_6_2020.pdf (In Russ.)
- Stepanoff Sh. *Metamorfozy rodstva u tuvintsev* [Metamorphoses of kinship among Tuvans]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2009, Is. 4, pp. 130–144. (In Russ.)
- Vainshtein S. I. *Istoricheskaya etnografiya tuvintsev: Problemy kochevogo khozyaystva* [Historical Ethnography of Tuva: Problems of Nomadic Economy]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 314 p. (In Russ.)
- Vainshtein S. I. *Tuvintsy-todzhintsy: Istoriko-etnograficheskii ocherki* [Tozhu Tuvans: Historical and Ethnographic Essays]. Moscow, Publishing House of Oriental Literature, 1961, 218 p. (In Russ.)
- Yakovlev E. K. *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i obiyasnitelnyi katalog Etnograficheskogo otdela Muzeya. Minusinsk* [Ethnographic Review of Non-Russian Populations Inhabiting the Southern Yenisei Valley, Suppl. with an Explanatory Catalogue of the Museum's Ethnographic Department]. Minusinsk, V. Kornakov Publ., 1900, 357 p. (In Russ.)
- Zabelina G. A. *Zhenshchiny Tuvy v semie i obshchestve v pervoi polovine XX veka* [Women of Tuva in a family and society in the first half of the twentieth century]. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN Publ., 2010, 118 p. (In Russ.)
- Zdravomyslova E., Temkina A. *Krizis maskulinnosti v pozdnesovetskom diskurse* [The crisis of masculinity in the late Soviet discourse]. *O muzhe(N)stvennosti. Sbornik statei. [About the (wo)manhood. Collection of articles]*. Moscow, 2002, pp. 432–452 (In Russ.)

Сведения об авторах

Монгуш Артыш Маадыр-оолович

научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований; Россия, 667000, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4
e-mail: art510@mail.ru

Information about the authors

Mongush Artysh Maadyr-oolovich

Researcher, Tuva Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research; 4, Kochetova st., Kyzyl, 667000, Russian Federation
e-mail: art510@mail.ru